

Куликова Элла Германовна

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И ПРОДУЦИРОВАНИЕ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению грамматических категорий в продуцировании вторичной номинации. Говорящий использует коммуникативную стратегию эвфемизации для вуалирования отрицательных сторон денотата. Осознавая негативную оценку денотата, говорящий использует вторичную номинацию для сглаживания отрицательного эффекта от речевого произведения. Различие между эвфемией и криптолалией определяется с учетом широких особенностей коммуникации и коммуникативной ситуации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-3/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 3. С. 113-116. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 488 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1999. Т. 2. И – О. 779 с.
3. Словарь русских народных говоров / сост. Н. А. Романова, А. Ф. Марецкая, Н. В. Попова и др. СПб.: Наука, 1994. Вып. 28. Подель – Покороче. 433 с.
4. Словарь русских народных говоров / сост. Н. И. Андреева-Васина, А. Ф. Марецкая, И. А. Попов, Н. В. Попова. Л.: Наука, 1979. Вып. 15. Кортусы – Куделюшки. 400 с.
5. Словарь русских народных говоров / сост. Н. И. Андреева-Васина, Л. И. Балахонова, О. Д. Кузнецова, А. Ф. Марецкая и др. Л.: Наука, 1980. Вып. 16. Куделя – Лесной. 376 с.
6. Словарь русских народных говоров / сост. О. Д. Кузнецова, Е. Н. Этерлей, П. И. Павленко, О. Г. Порохова. Л.: Наука, 1978. Вып. 14. Кобзарик – Корточки. 376 с.
7. Словарь русских народных говоров / сост. П. И. Павленко, Н. И. Андреева-Васина, О. Д. Кузнецова и др. Л.: Наука, 1981. Вып. 17. Леснокаменный – Масленичать. 384 с.
8. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвист. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А – Й. 702 с.; Т. 2. К – О. 736 с.; Т. 3. П – Р. 750 с.; Т. 4. С – Я. 797 с.
9. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М.: Наука, 1969. 262 с.
10. Хорошева Н. В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3 (15). С. 32-36.

**VARIABILITY AND SYNONYMY IN REGIONAL DIALECT OF BELGOROD AREA
(BY THE MATERIAL OF LANDSCAPE VOCABULARY)**

Kosharnaya Svetlana Alekseevna, Doctor in Philology
Belgorod State National Research University
fotonija@mail.ru

The aim of this work is the analysis of lexical variants and synonyms in the group of Belgorod landscape regionyms characterizing the relief of the territory. The analysis of linguistic facts reveals the regional markedness of the vocabulary included in the thematic group "Relief" and the marginality of Belgorod speech as a special South-Russian regional dialect that manifests itself at all the levels of the language, and is represented in the facts of variability, primarily phonetic and semantic, and synonymy.

Key words and phrases: Belgorod dialects; dialect; regional dialect; regionym; variant; synonym; lexical semantics; landscape vocabulary.

УДК 800.732:82-1:882

Статья посвящена рассмотрению грамматических категорий в продуцировании вторичной номинации. Говорящий использует коммуникативную стратегию эвфемизации для вуалирования отрицательных сторон денотата. Осознавая негативную оценку денотата, говорящий использует вторичную номинацию для сглаживания отрицательного эффекта от речевого произведения. Различие между эвфемией и криптолалией определяется с учетом широких особенностей коммуникации и коммуникативной ситуации.

Ключевые слова и фразы: эвфемизация; коннотация; фоновые знания; денотат; пресуппозиция; криптолалия.

Куликова Элла Германовна, д. филол. н., профессор
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
kulikova_ella21@mail.ru

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ
И ПРОДУЦИРОВАНИЕ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ**

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-04-00037.

Не всегда понятие эвфемии единообразно толкуется в науке о языке. Распространенным является понимание эвфемизма в качестве слова или выражения, которое в определенных коммуникативных условиях может заменять нежелательные, невежливые, грубые, с точки зрения говорящего, обозначения. При более узком подходе в качестве эвфемизма понимается слово или выражение, которое заменяет табуированные, «запрещенные» единицы. Эвфемизация тесно связана с номинацией. По мнению Л. А. Брусенской [2-4] – это один из трех кардинальных процессов, в результате которых формируется речевая деятельность (два другие – оценка и предикация), потому что предметы, которые по этическим, психологическим или культурно-историческим причинам нельзя назвать прямо, получают эвфемистическое переименование. Актуальной при этом остается задача «узнавания» эвфемизмов на основе пресуппозиции (фоновой информации). Если у адресата отсутствуют необходимые фоновые знания, метонимический по своей природе эвфемизм может полностью замаскировать денотат. Эвфемизмы и могут использоваться для того, чтобы вуалировать отрицательные стороны денотата. Нередко эвфемизмы имеют специальные паралингвистически маркированные элементы в тексте – могут выделяться кавычками или другими полиграфическими средствами – курсивом, разрядкой, они могут вводиться комментариями или оговорками типа *другими словами*,

по более мягкому выражению и др. К факторам, которые упрочивают эвфемистические функции единиц языка, относится, в первую очередь, широта значения, поскольку у многозначных единиц с обобщенной семантикой быстро развивается способность употребляться для смягчения речи [6-8]. Предельная степень обобщенности значения позволяет некоторым группам местоимений выполнять эвфемистическую функцию: *это государство*. Современный период развития русского языка характеризует такой процесс, при котором «безобидные», на первый взгляд, стереотипные названия могут стать знаком действий, представляющих угрозу жизни людей: *превентивные меры, очистка, побочный ущерб*. Понимание в широком смысле обуславливает включение в явление эвфемии как собственно лексических явлений (слов и словосочетаний), так и единиц других уровней, к которым относятся морфологические и синтаксические явления языка. Можно говорить о «вуалирующих» возможностях некоторых грамматических категорий. Ю. С. Басковой [1, с. 17] исследуется «манипулятивный потенциал синтаксических эвфемизмов». Ю. С. Степанов по этому поводу пишет следующее: «Дискурс – это первоначально особое использование языка, в данном случае – русского, для выражения особой ментальности, в данном случае также особой идеологии; особое использование влечет за собой активизацию некоторых черт и, в конечном счете, особую грамматику...» [13, с. 38]. Исследователи в качестве особых грамматических свойств «дискурса тоталитаризма» отмечают, в первую очередь, «номинализацию», или использование девербативов, которые исключают акцентуацию субъекта описываемого действия. Сама по себе номинализация не новое явление, но в политическом дискурсе она достигает гипертрофированных масштабов и получает особое преломление. Массовая номинализация, когда личные формы глагола заменяются на отглагольные существительные – производные от них с формантами *-ание, -ация, -ение*, ведет к семантическому результату – рецессии субъекта, исчезновению агенса того, о чем идет речь. Большинство процессов приобретает безличную экзистенциональность, хотя и отличающуюся от классической безличности в русском языке. Ю. С. Степанов приводит характерный пример из доклада Л. И. Брежнева «Ленинским курсом», демонстрирующий подобное явление: *Главным источником роста производительности труда должно быть повышение технического уровня производства на основе развития и внедрения новой техники и прогрессивных технологических процессов, широкого применения комплексной механизации и автоматизации, а также углубление специализации и улучшение производственного кооперирования предприятий* [Цит. по: 14, с. 260]. Известны и другие способы, при которых происходит деперсонификация, например опущение агенса в пассивной конструкции: *принято решение, привлечено внимание*. Этот прием используется с целью пропаганды: когда происходит деперсонификация субъекта, у адресанта возникает представление, что действие, о котором говорится в данном речевом произведении, не субъектное, а объективно заданное. Кроме речевых конструкций с прямым устранением субъекта, возможна также «ложная деперсонификация», когда субъект представлен формально. Например, *Главенствующая роль в разработке программы принадлежит трудовому коллективу*. А. А. Мирошниченко [10, с. 67] пишет о том, что заполненная синтаксическая позиция субъекта действия может снять вопрос об авторстве программы (речь шла о программе КПСС), однако заполненная синтаксическая позиция субъекта совсем не означает, что указывается на реальный субъект. Здравый смысл подсказывает, что трудовые коллективы вряд ли могли быть авторами программы партии. Таким образом, автором текста скрыт реальный субъект за подставным синтаксическим, при этом данный синтаксический субъект еще и идеологизирован. В современных СМИ также содержится много пассивных конструкций с устранением наименования субъекта действия: *Дональд Рамсфел признал, что пленников подвергали «различным видам давления»* (Аргументы и факты. 2004. № 20 (19 мая)) [Цит по: 5, с. 80]. Собственно лексическая эвфемизация *различные виды давления* используется вместо *истязания, пытки*, а в качестве дополнительного смягчающего фактора используется синтаксическая эвфемия, то есть нет указания на осуществившего или санкционировавшего подобные действия.

Смягчить выражение можно перемещением отрицания: *я не думаю, что вы сможете это сделать* (вместо: *вы не сможете это сделать*).

Ю. С. Баскова [1] называет синтаксические способы образования эвфемизмов, к ним она относит всевозможные преобразования словосочетаний, эллипсис (например, когда переходный глагол употребляется безобъектно, активная глагольная конструкция заменяется на пассивную, происходит опущение субъекта действия), утвердительная конструкция, в которой утверждается нежелательный факт, заменяется аналогичной по смыслу отрицательной конструкцией. При таком расширительном подходе границы понятия (и явления) «эвфемия» необыкновенно расширяются. Однако анализ примеров, который приводит Ю. С. Баскова, демонстрирует, что, как правило, все-таки это связано с использованием лексических эвфемизмов. Названный Ю. С. Басковой прием, в соответствии с которым вводится дополнительный позитивный компонент в исходное словосочетание, в действительности является использованием нейтральной или положительно окрашенной лексики. Собственно синтаксическим средством эвфемизации является чрезвычайное осложнение структуры словосочетания, то есть когда используются намеренно структуры, которые затрудняют способность адресата «улавливать» отрицательно оцениваемый смысл.

Исследователями эвфемии неоднократно отмечалась «аморфность» этого явления, которую можно преодолеть только посредством определения его статуса в контексте употребления смежных феноменов: дезинформации, криптолаллии, от тропических средств.

Вследствие того, что эвфемизмы являются «словесными зашифровками», смягчающими, вуалирующими объект сообщения, но, тем не менее, позволяющими понять смысл сказанного, «зашифрованного», их нужно отличать от таких языковых средств, которые используются с целью «конспирации», с целью создания «тайноречия» (тайного языка). А. А. Реформатским криптолаллия рассматривается в качестве особой функции

эвфемизмов, которая выходит за рамки литературного языка. Он пишет, что в таких жаргонах, например, как воровской, вместе с «вуалирующими» эвфемизмами, такими как *пришить* (в значении *убить*), *купить* (в значении *украсть*) и др., используются также эвфемизмы «обратные», при которых неприличные номинации заменяют приличные; в жаргоне эвфемизация «обслуживает» явление тайноречия (криптолалии) [12, с. 106-107].

В. П. Москвин [11, с. 60] разграничивает эвфемизацию и криптолалию в качестве двух абсолютно самостоятельных, причем функционально противопоставленных коммуникативных стратегий. По его замечанию, к сфере эвфемизмов ошибочно причисляются профессионализмы, которые более сходны со средствами профессиональной криптолалии, такие как *объект* (человек, за которым ведется наблюдение), *источник* (агент).

Мы согласны с В. П. Москвиным, что эти примеры больше относятся к криптолалии, чем к эвфемии, но их нельзя назвать профессионализмами. С эвфемией их сближает то, что истинный их смысл понимаю практически все носители языка. Эвфемии и криптолалию вряд ли можно разграничить, основываясь только на собственно лингвистических признаках. Скорее определить различие между эвфемией и криптолалией можно, только учитывая широкие особенности коммуникации и коммуникативной ситуации. Как тайноречие использоваться может переход с одного языка на другой, в который не посвящен третий участник коммуникации (переключение кода). Вспомним рассказ А. П. Чехова «Отец семейства», в котором глава семьи поучает домочадцев, как нужно вести себя за обедом (на обеде, кроме своих, присутствует гостья Анфиса Ивановна):

– *Ешь! Держи ложку как следует! погоди, доберусь я до тебя, скверный мальчишка!* <...> *Если никто не желает заняться твоим воспитанием, то, так и быть, начну я!*

– *Перестань, ради бога!* – *просит жена по-французски.* – *Хоть при посторонних не ешь нас... Старуха все слышит и теперь, благодаря ей, всему городу будет известно...*

– *Я не боюсь посторонних, отвечает Жилин по-русски.* – *Анфиса Ивановна видит, что справедливо говорю. Что ж, по-твоему, я должен быть доволен этим мальчишкой? Ты знаешь, сколько он мне стоит? Ты знаешь, мерзкий мальчишка, сколько ты мне стоишь? Или ты думаешь, что я деньги фабрикую, что они мне достаются даром? Не реветь! Молчать* [15, с. 406]!

С помощью определенных клише нередко прекращают коммуникацию, если нельзя использовать криптолалию: *не телефонный разговор*.

Известны типичные клише, с помощью которых прекращается коммуникация при невозможности использовать криптолалию: *не при детях; не по телефону; это не телефонный разговор* и т.д. Эти клише являются застывшей риторической фигурой умолчания, называемой апосиопезисом.

При коммуникативной ситуации, связанной с эвфемией, состав участников – иной: поскольку нет «контрагента», то говорящему и реципиенту не надо ничего скрывать. По наблюдениям В. П. Москвина [11, с. 61] и В. В. Дементьева [9, с. 191-192], один и тот же элемент языка может, в зависимости от коммуникативной ситуации, выполнять функцию как эвфемизма, так и криптолалии. Врач может пользоваться термином *педикулез* в общении с пациентом, который знает значение этого термина, тогда его использование будет эвфемизмом, а когда врач общается с коллегой при пациенте, который не знает значение медицинского термина, то *педикулез* используется в качестве средства криптолалии. При осознании негативной оценки денотата говорящим может использоваться вторичная номинация для того, чтобы уменьшить отрицательный эффект от произнесенного (написанного) высказывания. С помощью коммуникативной стратегии эвфемизации происходит отвлечение внимания адресата сообщения от объекта, который может вызвать нежелательные ассоциации, антипатию. Эвфемизмы могут вуалировать истинный смысл явления созданием положительной или нейтральной коннотации. Адресат не успевает обычно из-за потока информации определить и осмыслить эвфемизмы в контексте.

Список литературы

1. Баскова Ю. С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков): автореф. дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2006. 23 с.
2. Брусенская Л. А. Гендер как социокультурный конструкт: условия коммуникации // Философия права. 2010. № 4. С. 82-86.
3. Брусенская Л. А. Правовое регулирование языка: русский язык в сфере юридического функционирования // Философия права. 2011. № 5 (48). С. 15-20.
4. Брусенская Л. А., Фролова Н. Н. Языковая экспликация экономических отношений: бренды в экономическом дискурсе // Язык и речь в синхронии и диахронии: мат-лы V Междунар. науч. конф. Таганрог: Изд-во ТГПИ, 2014. С. 135-138.
5. Брусенская Л. А., Куликова Э. Г., Беляева И. В. Юридическая риторика: учебник. М.: Норма – Инфра-М, 2014. 288 с.
6. Григорьева Н. О. Система конструкций с полифункциональным служебным словом «чтобы» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология и искусствоведение. 2013. № 4. С. 26-29.
7. Григорьева Н. О., Марченко Л. В. К вопросу о типологии синтаксических конструкций: функциональный аспект // Предложение и слово: межвуз. сб. науч. тр. Второй Междунар. науч. конф. / под общ. ред. Э. П. Кадыкаловой. Саратов: Изд-во Саратовского национального исследовательского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 2002. С. 200-204.
8. Григорьева Н. О., Норлусенян В. С. Иноязычные вкрапления в современном художественном тексте: коммуникативно-прагматический потенциал // Известия Южного федерального университета. Сер. Филологические науки. 2014. № 3. С. 75-82.
9. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.
10. Мирошниченко А. А. Толкование речи. Основы лингво-идеологического анализа. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1995. 112 с.
11. Москвин В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции, способы образования // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 58-70.
12. Реформатский А. А. Введение в языкознание. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
13. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М.: Изд-во АН РФ, 1995. С. 35-55.
14. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
15. Чехов А. П. Отец семейства // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1974. Т. 4. С. 404-481.

GRAMMATICAL CATEGORIES AND PRODUCTION OF SECONDARY NOMINATION

Kulikova Ella Germanovna, Doctor in Philology, Professor
Rostov State University of Economics
kulikova_ella21@mail.ru

The article is devoted to the consideration of grammatical categories in the production of secondary nomination. The speaker uses a communicative strategy of euphemization for veiling the negative aspects of denotation. Recognizing the negative estimation of denotation the speaker uses secondary nomination to smooth the negative effect of the speech work. Difference between euphemization and cryptolalia is determined taking into account the broad features of communication and the communicative situation.

Key words and phrases: euphemization; connotation; background knowledge; denotation; presupposition; cryptolalia.

УДК 811.1

Статья посвящена анализу прагматических функций, выполняемых переключением кодов в речи билингвальных персонажей в творчестве английской поэтессы и романистки Шарлотты Бронте на примере отдельно взятого романа «Джейн Эйр». Рассматривается понятие «художественный билингвизм». Анализируется особенность функционирования в английском тексте французских лексических единиц. Выявляется взаимосвязь параметров билингвальности персонажей в романе и прагматических особенностей переключений кодов (английский-французский) в их высказываниях с целью определения художественного замысла автора.

Ключевые слова и фразы: билингвизм; художественный билингвизм; билингвальность; переключение кодов; английский язык; французский язык.

Лавриненко Лолита Сергеевна
Российской университет дружбы народов
lolita.lavrinenko@gmail.com

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БИЛИНГВИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ШАРЛОТТЫ БРОНТЕ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ДЖЕЙН ЭЙР»

Феномен билингвизма (двуязычия) является предметом пристального внимания многих исследователей. Среди научных аспектов изучения проблемы билингвизма выделяют лингвистический, социолингвистический, социологический, психологический, психолингвистический, педагогический и литературно-художественный. В нашей работе мы подробнее остановимся на художественном билингвизме.

Рассматривая проблему художественного билингвизма, Ю. М. Лотман отмечает, что «реальная плоть художественного произведения состоит из текста в его отношении к внетекстовой реальности – действительности, литературным нормам, традициям, представлениям» [4, с. 213]. Владение таким контекстом, позволяющее произвести анализ текстовых единиц в аспекте определенной социально-исторической эпохи, представляет собой необходимое условие правильного прочтения художественного текста [5, с. 7].

Учитывая изложенное, прежде чем перейти непосредственно к анализу особенности переключения кодов в творчестве Бронте, целесообразно подробнее рассмотреть понятие художественного билингвизма. Художественный билингвизм – это творчество с использованием для создания художественных произведений инонациональных языковых средств [3, с. 19]. Авторы-билингвы часто используют кодовые переключения в своих произведениях, наделяя персонажей билингвальностью. Речь персонажей в художественных произведениях моделирует реальную коммуникацию, однако ученые придерживаются различных точек зрения относительно соотношения художественного текста и живой коммуникации.

Так, например, русский лингвист Р. О. Якобсон считал, что литературный диалог характеризуется самоотнесенным и изобразительным характером, и это отличает его от живого разговора [6, с. 462]. Эту точку зрения разделяет и американский ученый Ричард Оман. Он называет речевые акты в литературных диалогах квази-актами, так как они не имеют иллюкутивной нагрузки. Другие же ученые полагают, что язык литературы в полной мере отражает действительность. На наш взгляд, речь персонажей в художественных произведениях в достаточной степени отражает особенности живой речи, поскольку задача автора – воссоздать в литературном произведении действительность. Однако при этом необходимо учитывать и особенности билингвизма авторов этих произведений. В данной работе мы рассмотрим явление художественного билингвизма в творчестве английской поэтессы и романистки XIX века Шарлотты Бронте на примере ее романа «Джейн Эйр».

Широкое использование французского языка так заметно в романах Шарлотты Бронте, что побудило рецензента первого тома ее романа «Ширли» (1849) отклонить его, сетуя на то, что он был написан «наполовину на французском языке, наполовину на йоркширском диалекте» [10, р. 103]. Хотя это и явное преувеличение, но все же Бронте испытывала «удовольствие» [8], используя французские лексические единицы, когда считала их более подходящими, нежели их английские эквиваленты, как, например, в описании зимнего пейзажа в «Ширли»: «Тихий день сменился ясным вечером: все вокруг походило на Северный полюс – свет